

А.В.Бобровников

BRICS — траектория развития в глобализирующемся мире

На фоне кризисных явлений в мировой экономике и неоднозначных перспектив ее развития в ближайшие годы автор размышляет о становлении объединения BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa). Приводятся соображения о характере перестройки мировой экономической системы и процессе смещения ее центра тяжести в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Ключевые слова: глобальный кризис, BRICS, шестой технологический уклад, тихоокеанский цикл.

Интерес к проблемам развития BRICS продолжает расти. Это естественно в преддверии очередного VII саммита организации, который пройдет в Уфе (Россия). В статье приводится текст доклада на IX Цивилизационном форуме «Перспективы и стратегические приоритеты восхождения BRICS», который прошел 17 декабря 2014 г. и был организован Национальным комитетом по исследованиям BRICS, Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, Московским государственным университетом им. М.В.Ломоносова, Институтом экономических стратегий, Институтом Латинской Америки РАН и Институтом Дальнего Востока РАН.

Начну с двух тезисов. Во-первых, с нашей точки зрения, появление объединения BRICS не было случайностью. В известном смысле это естественный результат и своеобразная проекция самого процесса глобализации, о чем речь пойдет ниже. Во-вторых, само формирование BRICS началось в крайне сложных и неблагоприятных условиях.

Мировая экономика продолжает пребывать в плачевном состоянии, и конца этому не видно. Возьмем экономику 16 наиболее развитых стран, на которые приходится 58% мирового ВВП (см. график 1). Столь низких темпов прироста, как в последнее десятилетие, у них не было почти 100 лет.

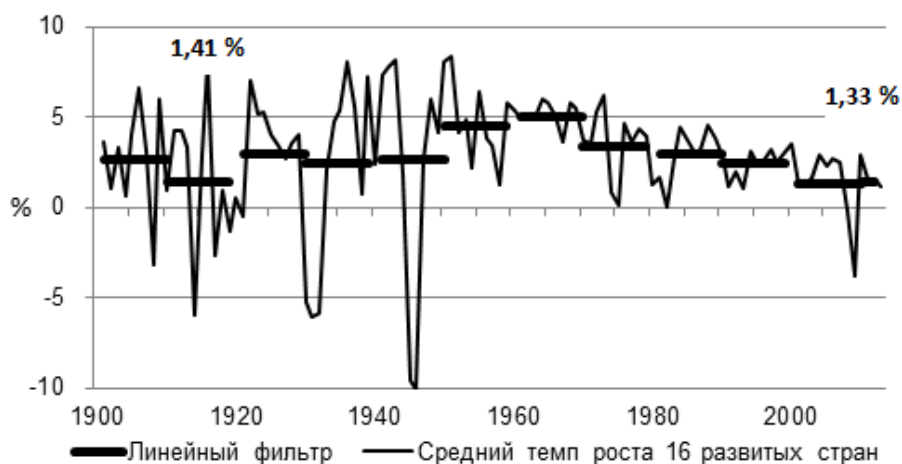
В 10-е годы прошлого столетия все началось с первого корпоративно-банковского кризиса в США в 1907 г.¹, а последовавший системный кризис в развитии центров капиталистического мира, очевидно, был скрыт Первой мировой войной и последовавшими революциями в России и Европе. Во всяком случае именно эти события привели к началу серьезной трансформации: с од-

Александр Вячеславович Бобровников — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (bobrownikow.al@yandex.ru).

ной стороны, к созданию Федеральной резервной системы США, с другой — к зарождению кейнсианства, т.е. идеи государственного вмешательства в регулирование рыночной экономики. Сейчас ничего подобного не просматривается.

График 1

ДИНАМИКА ВВП 16 РАЗВИТЫХ СТРАН В 1901—2014 гг. (%)

Источники: рассчитано по: Maddison A. The World Economy in the 20th Century. Paris, 1989; UNCTAD Statistics: GDP, 1970—2012 (unctad.org/en/Pages/Statistics); IMF. World Economic Outlook. Washington, 2014, April; 2014, October.

Но самое главное не это, а то, что ближайшие перспективы развития очень туманны. Мне пришлось видеть уже несколько прогнозов, например, Аскара Акаевича Акаева и Владимира Игоревича Пантина, согласно которым в районе 2016—2018 гг. мировую экономику ждут новые тяжелые испытания². Кстати, к сходным выводам пришел французский исследователь Жак Аттали, хотя и отнес возможную дату кризиса на более поздний срок — 2025 г.³. Причем негативные экономические ожидания совершенно не исключают предположения Сергея Юрьевича Глазьева о том, что в конце нынешнего десятилетия начнется разворот к новому шестому технологическому укладу⁴. Иное дело, что для выхода на новую траекторию развития придется преодолеть пропасть очередного глобального кризиса. Дело в том, что в условиях глобализации изменился сам характер экономического цикла. С завидной регулярностью примерно раз в десять лет на финансовых рынках происходит мощный сбой, который через несколько лет обрушивает реальную экономику. Последний раз это произошло в 2007—2009 гг. В 2013—2014 гг. мир переживает вторую волну кризиса, докатившуюся до реального сектора национальных экономик.

Глобализация привела к еще одному печальному последствию для нового поколения восходящих стран. Дело в том, что в более открытой, сетевой экономике кризисные явления легко перебрасываются из развитых

центров на восходящие рынки. Такие кризисы даже называются соответствующим образом: латиноамериканский в начале 80-х годов, кризис в восточноевропейском и постсоветском пространствах в начале 90-х, азиатский кризис на рубеже столетий. Я немало размышлял над тем, как определить последний кризис, и склоняюсь к тому, что его можно назвать «Средиземноморским». Он захватил целый ряд прибрежных стран от Юга Европы до Севера Африки. Вместе с тем это был первый глобальный кризис. Достаточно сказать, что в 2008—2010 гг. кризисные явления наблюдались в 100 из 190 стран мира (по которым приводит статистику МВФ), а среди развитых государств в 33 из 36. В 2011—2013 гг. кризис проявлялся в 43 из 190 стран. Такого еще не было никогда со времен Второй мировой войны. Тем не менее это не озаботило ни администрацию США, ни руководство Евросоюза. И встреча G-20 в Брисбене (Австралия) лишь подтвердила, что ведущие мировые игроки не готовы принимать согласованные решения, чтобы избежать очередного системного сбоя в мировой экономике.

**ЖЕРТВЫ КРИЗИСОВ ВРЕМЕН ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
МАКСИМАЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ ВВП ЗА ПЕРИОД(%)**

Годы	США	Страны BRICS	Другие страны	Наиболее пострадавший регион
1977—1983	-2,5	Индия (-4,8), Бразилия (-4,2)	Чили (-16,4), Перу (-12,6), Аргентина (-11,5), Венесуэла (-5,0), Мексика (-4,6)	Латиноамериканский
1987—1993	-0,9	РФ (-35,2), Бразилия (-3,7)	Чехия (-24,8), Венгрия (-19,1), Польша (-14,2)	Восточно-европейский и СНГ
1997—2003	+0,8	РФ (-4,9)	Индонезия (-13,1), Таиланд (-11,9), Турция (-7,5), Малайзия, (-7,4), Сингапур (-2,4), Тайвань (-2,2)	Азиатский
2007—2013	-3,9	РФ (-7,8), Бразилия (-0,3), ЮАР (-1,5)	Ливия (-62,1), Греция (-22,6%), Йемен (-12,7), Кувейт (-9,5), Хорватия (-9,2), Италия (-6,7), Португалия (-6,3), ОАЭ (-4,8), Испания (-4,0)	Средиземноморский

* Если кризис длится больше года, приводится накопленное значение падения ВВП.

Источник: подсчитано по: IMF. World Economic Outlook. Washington, 2014, October

Похоже, единственное, что заботит лидеров «коллективного Запада», это то, как сбросить кризисные явления в экономического пространство BRICS. Действительно страны, входящие в это объединение, лучше других пережили последний кризис. И тем не менее им предрекают печальные перспективы. Так считает, например, Рикардо Хаусман — глава гарвардского Центра международного развития, а в прошлом министр планирова-

ния Венесуэлы. Он акцентирует внимание на том, что рост BRICS стал результатом сочетания высоких цен на сырьевые товары, притока иностранных инвестиций и завышения курса национальных валют пятерки. «Вечеринка закончилась», — саркастически резюмирует эксперт⁵.

При этом сам Хаусман не отрицает, что в последнее десятилетие распределение сил в мировой экономике заметно изменилось и прежде всего благодаря продолжающемуся подъему Китая и других членов BRICS. Например, в 2000 г. на долю развитых стран приходилось 46% всех золотовалютных резервов мира, а на BRICS — лишь 13%. В последние годы соотношение стало обратным: 25% против 39% у BRICS⁶.

Если за период 2003—2013 гг. ВВП США в текущих ценах увеличился в 1,5 раза, то совокупный ВВП BRICS — в 4,5 раза, и он уже вплотную приблизился к североамериканскому. Соответственно произошло перераспределение международных потоков капитала. За десять лет приток прямых иностранных инвестиций в экономику США поднялся в 2,8 раза, а в экономику BRICS — в 7 раз. Меняется положение на международных рынках: если экспорт товаров и услуг из стран BRICS вырос за десятилетие в 5,8 раза, то из США — в 2,2 раза. В результате доля стран BRICS на мировых рынках товаров достигла почти 18% против 5,5% в начале 1990-х годов. И в мировом экспорте услуг она поднялась с 4 до 10%⁷.

Важно то, что эти процессы касаются не только макроэкономических параметров, они захватывают и корпоративный сегмент стран BRICS. За последние годы число компаний восходящей пятерки среди 2 тыс. ведущих глобальных корпораций выросло со 136 до 253, а их доля в совокупном обороте увеличилась вдвое — с 4,5 до 9,3% (см. график 2).

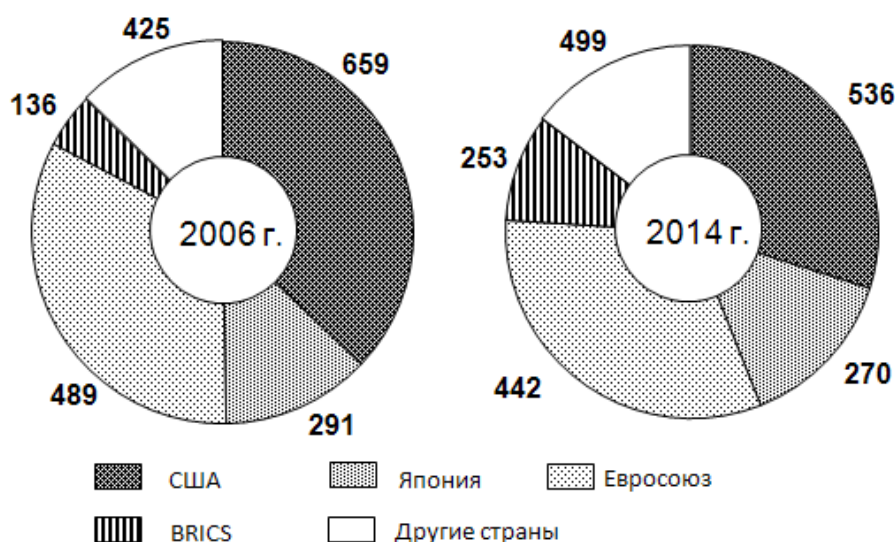
Как я уже упоминал, специалисты считают, что в текущем десятилетии завершится нисходящая ветвь пятого кондратьевского цикла, и начнется разворот к следующему — шестому циклу, или к шестому технологическому укладу. Причем один из самых известных прогнозистов Элвин Тоффлер полагает, что в предстоящую четверть века произойдет очередная «корпоративная революция»⁸. По прежнему опыту хорошо известно, что такие трансформации приводят к смене основных экономических игроков. А это значит, что авиакосмические, фармацевтические, биотехнологические и нарождающиеся нанотехнологические корпорации из стран BRICS могут сыграть на следующем витке развития более самостоятельную роль и претендовать на расширение своей ниши на международных рынках.

События 2014 г., по-моему, наглядно демонстрируют, что западные партнеры не расстались с надеждой отнести все издержки предстоящей трансформации в мировом хозяйстве на счет BRICS и других восходящих экономик. Собственно, это является продолжением той неолиберальной стратегии, которую они предложили миру два-три десятилетия назад. Но то, что сработало в случае национальных экономик Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, арабского мира, может не сработать в случае BRICS.

Сама неолиберальная волна внесла коррективы, ускорив процесс перераспределения сил между отдельными компонентами, уровнями мировой экономической системы.

График 2

**ЧИСЛО КОМПАНИЙ РАЗВИТЫХ ЦЕНТРОВ И BRICS СРЕДИ
2000 ГЛОБАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ И ИХ ДОЛЯ В СОВОКУПНОМ
ОБЪЕМЕ ПРОДАЖ (%)**

Источник: По данным «Forbes» (www.forbes.com/global2000)

Как справедливо полагает Владимир Михайлович Давыдов, часть традиционных регулирующих функций государства в национальной экономике начала передаваться «вверх», региональным интеграционным блокам. И опыт Евросоюза — наглядное тому подтверждение. Часть прежних регулирующих функций передавалась «вниз», на местный уровень (см. график 3). Происходило это в рамках выстраивания новой системы отношений центра и внутренних регионов (штатов, провинций и областей). Последние неизбежно ощущали рост собственной «значимости», что подспудно порождало стремление к «самоопределению» или, по меньшей мере, — выстраиванию особых привилегированных отношений с центром. Этим, в частности, объясняются последние события в Шотландии, Каталонии или на Украине.

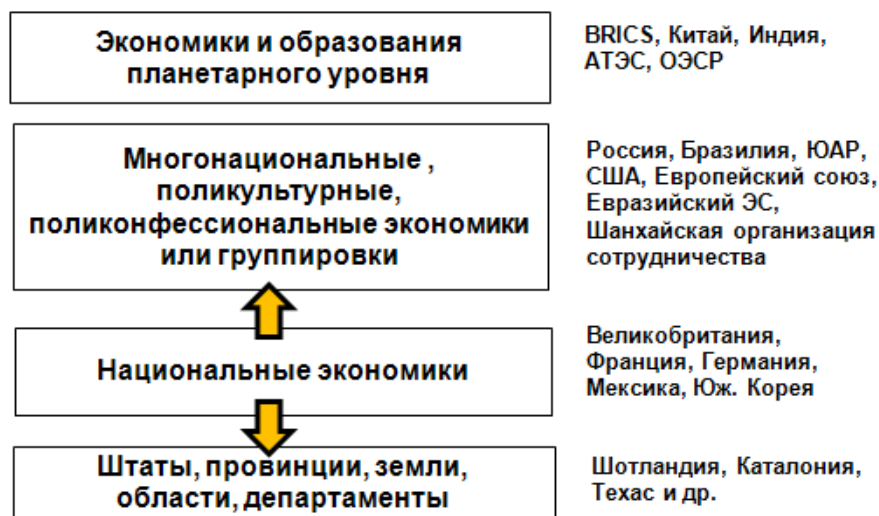
При этом очевидно, что экономики разного уровня сегодня в основном используют сходную технику и технологии, унифицированные методы организации производства (которые активно рекламирует и внедряет транснациональный бизнес). Они отличаются прежде всего стилем управления хозяйством. Понятно, что Люксембургу управлять своей экономикой несколько проще, чем США или Китаю, хотя у небольшой страны выше риски негативного влияния внешних рынков.

Соответственно меняется вся геополитическая и геоэкономическая картина мира. США и ЕС приходится конкурировать не просто с традиционными национальными экономиками по принципу «каждый сам за себя». США и ЕС противостоят такие же, как они, многонациональные, поли-

культурные, поликонфессиональные политико-экономические структуры в лице BRICS. А это уже совсем иная игра. Китай и Индия вообще представляют собой экономики особого типа, я бы сказал экономики почти планетарного уровня. Сама же группа BRICS, ввиду участия каждой из стран — членов пятерки в целом ряде интеграционных объединений, являются уникальным межконтинентальным объединением — союзом союзов. Отдаленным аналогом может быть только Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, но пока оно скорее проект на отдаленное будущее.

Г р а ф и к 3

СТРУКТУРА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В одной из работ мы проследили ход развития индустриальной цивилизации и выделили характерный для нее атлантический цикл⁹. За четыре кондратьевских цикла, продолжительностью в среднем 50 лет, изменился состав ведущих акторов в мировой экономике. Центр мирового развития из Великобритании и континентальных европейских стран переместился на восточное побережье США, а затем обратно в объединенную Европу. Причем с уровня национальной экономики Великобритании он постепенно поднялся до уровня крупной региональной группировки — Евросоюза.

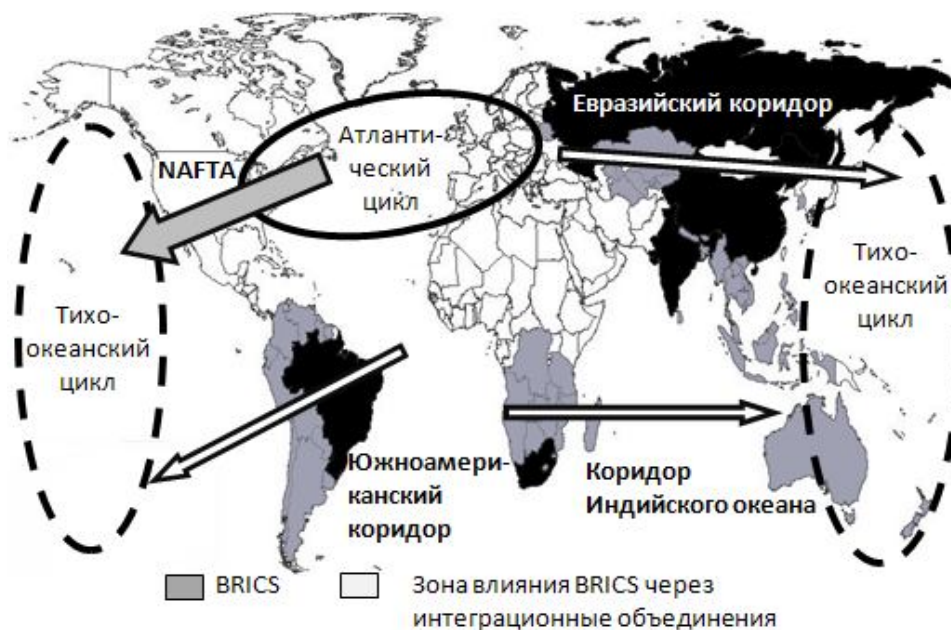
Перспектива постепенного переноса центра тяжести мирохозяйственной системы в тихоокеанский район сейчас мало у кого вызывает сомнения. Однако это довольно длительный процесс. Он будет проходить в несколько этапов, продолжительностью около 25—30 лет. Дело в том, что в постиндустриальную эпоху развитие ускоряется, и циклы Кондратьева примерно вдвое сокращаются по времени¹⁰.

И по ходу смещения центра тяжести в бассейн Тихого океана будут возникать области повышенной экономической активности, своего рода «коридоры перехода». Это даже не гипотеза, а практика жизни. Первый коридор складывается в Северной Америке. Стремление США подключить к NAFTA трансатлантическую и транстихоокеанскую зоны свободной тор-

говли и партнерства — очевидная попытка завершить его формирование. Процесс сопровождается не только внешними, но и внутренними сдвигами, например, перемещением центра тяжести экономики США с Северо-Востока на Юго-Запад.

Г р а ф и к 4

**ГИПОТЕЗА «КОРИДОРОВ» ПОВЫШЕННОЙ
ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ТИХООКЕАНСКОМУ ЦИКЛУ (XXI в.)**

Очевидно, что в трех остальных случаях самую активную роль в формировании таких коридоров будут играть государства BRICS, как бы ни складывалась судьба этого объединения. Сейчас страны «коллективного Запада», не сознавая этого, своими действиями волей-неволей подталкивают к формированию евразийского коридора.

Юрий Владимирович Яковец говорит об мощном историческом сдвиге, гецивилизационном «водоразделе»¹¹. И это очень резонное соображение. Претензии США на монополярное регулирование современного мира и экономики становятся все более эфемерными, тем более, что зачастую опираются они на немотивированную агрессию. Если задуматься: при всем своеобразии исторического пути и неожиданных разворотах в политике страны BRICS имеют одну отличительную особенность. Все государства этой группы отличается меньшая агрессивность, большая толерантность по сравнению с «коллективным Западом». Кроме того, сама организация уникальна: она объединяет пять из двенадцати существующих на планете цивилизаций, включая две с очень глубокими историческими корнями (Индия, Китай).

Поэтому изменение конфигурации механизмов международного регулирования за счет более активного участия в их деятельности стран BRICS — это серьезный шаг к более предсказуемому, более разумному и более устойчивому миропорядку. Не столкновение цивилизаций, как считал Самуэль Хантингтон¹², а поиск путей к их партнерству должен стать доминирующей тенденцией XXI в.

Процесс укрепления институциональных основ объединения BRICS продолжается. Об этом свидетельствуют результаты VI саммита в Форталезе (Бразилия). В условиях сохраняющейся нестабильности на международных финансовых рынках страны BRICS предприняли конкретные шаги, чтобы снизить зависимость от давления «коллективного Запада». Были созданы Новый банк развития, ориентированный в первую очередь на поддержку инфраструктурных проектов, и Пул условных валютных резервов, признана целесообразной практика повышения роли национальных валют во взаиморасчетах между членами пятерки.

На предстоящем VII саммите BRICS в Уфе (РФ) в центре внимания несомненно будут вопросы выработки средне- и долгосрочной стратегии развития. В связи с этим стоит подумать о создании координационного совета BRICS по оценке и поиску ответов на современные глобальные вызовы. Это позволит находить согласованные решения не только по сверхкритическим вопросам войн или терроризма, но и по более общим проблемам развития мировой экономики, международных финансовых рынков, решения гуманитарных и экологических проблем. В своей деятельности такой координационный совет может задействовать растущий научный потенциал стран — участниц BRICS.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Он был подробно описан, например, в монографии: А.А. Никитин. История финансовых потрясений. От Джона Ло до Сергея Кириенко. М., 2000, с. 103—114.

² А.А. Акаев, В.И. Пантин. Финансово-экономические кризисы и геополитические сдвиги: анализ и прогноз. — Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. М., 2011, с. 72, 74—77.

³ Ж.А. Ттали. Краткая история будущего. СПб, 2014, с. 149—150.

⁴ Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII Саммиту БРИКС. Под редакцией В.А. Садовниченко, А.А. Акаева, В.А. Никонова, Ю.В. Яковца. М., 2014, с. 148—153.

⁵ Р.Х. Аусманн. Вечеринка закончена. — BRICS Business Magazine. М., 2014, <http://bricsmagazine.com/ru/articles>

⁶ По данным ЮНКТАД, 2013. — www.unctadstat.unctad.org

⁷ World Bank data sets. — <http://data.worldbank.org>

⁸ Э.Т. Оффлер. Метаморфозы власти. М., 2001, с. 67—85, 218—220.

⁹ В.М. Давыдов, А.В. Бобровников. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009, с. 36—40.

¹⁰ Подробнее см.: А.В. Бобровников. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М., 2004, с. 361—363.

¹¹ Ю.В. Яковец. Генетические коды цивилизаций: типы и судьба. — Партнерство цивилизаций. М., 2013, № 4, с. 18—23.

¹² С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М., 2003.